НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

С.И. ЧЕХЛЫСТОВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тверской государственный университет»*

Данная статья посвящена анализу одной из важнейших характеристик конфликтного дискурса – нарушению коммуникантами основных правил и конвенций коммуникативного кодекса. Наиболее подробно рассматриваются принципы кооперации и вежливости, как основа эффективности речевого общения. Причины и последствия нарушения отдельных постулатов и правил коммуникативного взаимодействия показаны на примере конкретных конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: *конфликт, дискурс, коммуникативный кодекс, коммуникативная ситуация, принцип Кооперации, принцип Вежливости*

BREAKING OF THE PRINCIPLES OF COMMUNIKATION BY CONFLICT DISCOURSE S.I. CHEKHLYSTOVA

The article deals with the analysis of one of the most impotent characteristics of the conflict discourse – breaking of the main rules and conventions of communication codex by communicants. The principles of cooperation and politeness have been given the detailed consideration, their being the basis of efficient communication. The reasons and consequences of breaking of some postulates and rules of communication interaction have been demonstrated through the examples of specific conflict situations.

Key words: *conflict, discourse, communicative codex, communicative situation, principle of cooperation, principle of politeness.*

Отсутствие систематического описания конфликта с позиций коммуникативной лингвистики обуславливает актуальность обращения к различным аспектам конфликтного дискурса. Гармония в общении зависит не только от знаний о стратегиях и тактиках, обеспечивающих коммуникативный успех, но и от четких представлений о качествах говорящих личностей и свойствах речевых действий, которые вносят дисгармонию в коммуникацию, разрушают понимание, вызывают негативные эмоциональные состояния партнеров по коммуникации. В последнее время в поле внимания исследователей включаются такие явления, как коммуникативный сбой [9], коммуникативная неудача [6; 7], конфликтный дискурс [2] и др. Эти явления связаны с отрицательным полем коммуникативного взаимодействия.

На фоне возрастающего интереса к различным аспектам конфликтного дискурса мы считаем необходимым обратиться к проблеме нарушения принципов речевого общения в ситуации конфликта, поскольку это является одной из ключевых особенностей конфликтного дискурса в целом.

Конфликт есть форма социального взаимодействия, охватывающая различные сферы деятельности людей, включая речевое общение. Человеческий язык является орудием социального действия и взаимодействия в условиях

конкретных ситуаций общения. Поскольку понятие «конфликт» относится к широкому кругу разноуровневых явлений, то мы остановимся на наиболее общей дефиниции, т.е. *конфликт есть столкновение «между кем-то и кем-то» или реже «между чем-то и чем-то», возникающее в результате взаимодействия* [4, с. 42]. Конфликт есть некое взаимодействие, проявляющееся в конкретных действиях его участников. С точки зрения коммуникативно-деятельностной лингвистики, конфликт может рассматриваться как *реализуемое в речевой деятельности противоречие или столкновение*, выражаемое конкретными речевыми действиями, образующими конфликтный дискурс, каждый раз новый в зависимости от конкретной конфликтной ситуации.

В основе любого конфликта лежит *конфликтная ситуация*, понимаемая как «ситуация скрытого или открытого противоборства двух или нескольких участников (сторон), каждый из которых имеет свои цели, мотивы, средства и способы решения лично значимой проблемы; она основана на индивидуальной или групповой оценке объективно складывающейся ситуации; как правило, зарождается во взаимоотношениях и вызревает в практической деятельности; возникновению конфликтной ситуации способствует более или менее длительный период скрытой, взаимной или односторонней неудовлетворенности» [12, с. 187]. Таким образом, конфликтная ситуация характеризуется наличием противоречивых позиций сторон по какому-либо поводу, противоположными целями и средствами их достижения, несовпадением интересов, желаний, влечений оппонентов (участников конфликта) [там же, с. 187].

На наш взгляд, именно конфликтная ситуация является первопричиной нарушения принципов речевого общения, как намеренного, так и ненамеренного. Она, в конечном счете, диктует «правила» социального и коммуникативного взаимодействия.

Всякое социальное поведение, в том числе речевая деятельность, регламентируется правилами. Само существование этих негласных правил становится заметно, когда они *нарушаются*. Их поиск часто сводится к выявлению коммуникативных осечек, несовместимости речевых актов и их неуместности. Другими словами, их поиск сводится «к анализу прагматических аномалий» [1, с. 26]. Исходя из этого, именно конфликтный дискурс является благоприятной средой для поиска и анализа подобных аномалий.

Как подчеркивалось выше, конфликт есть некое взаимодействие, проявляющееся в конкретных как речевых, так и неречевых действиях его участников и включенное в конкретный социальный контекст. Коммуникативно-функциональная сторона конфликтного дискурса в самом общем виде проявляется в виде характерных для конфликтной ситуации оппозиций коммуникативных действий:

- побуждения к действию + отказ, сопротивление,
- препятствование действию + настаивание,
- разрешение или запрет + сопротивление,
- предложение об участии в совместном действии + согласие или несогласие,

- настаивание на своей позиции + опровержение позиции другого и т.д.

Следует заметить, что в конкретных конфликтных ситуациях сочетание и порядок речевых действий может варьироваться, не меняя, тем не менее, существенных характеристик конфликта.

Как известно, важнейшими прагматическими правилами, регулирующими речевую коммуникацию, являются *Принцип Кооперации*(ПК) П. Грайса и *Принцип Вежливости*(ПВ) Дж. Лича. Первый (ПК) заключается в требовании делать вклад в речевое общение соответствующим принятой цели и направлению разговора, второй (ПВ) уже всецело принадлежит речевой этикету. Каждый из этих принципов требует удовлетворения определенных максимум (постулатов).

Одним из основных прагматических правил является *Принцип Кооперации*(ПК) П. Грайса [5]. В соответствии с ним ожидается, что его требований придерживаются все участники диалога, если их целью является максимально эффективная передача информации. Основное его требование звучит так: *Твой вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление этого диалога* [10, с. 46].

Принцип Кооперации включает 4 постулата (или максимы): *постулаты количества, качества, отношения, способа*, которые могут содержать в себе частные постулаты (или субмаксимы). Как отмечает И.П. Сусов, «несоблюдение или намеренное нарушение этих постулатов ведёт к необходимости для слушающего постараться понять, что означает данное отклонение и какую информацию говорящий передаёт в отличие от того, что содержится в буквальном значении полученного высказывания. Слушающий, осуществляя процедуру интерпретации данного высказывания, вычисляет скрытый в нём смысл — импликатуру» [10, с. 46]. ПК понимается, с одной стороны, как один из механизмов передачи имплицитного смысла, так и в более широком плане – как основной регулятор типовых интеракций. И хотя ПК имеет регламентирующий характер, он в целом ситуативен, так как говорить о соблюдении или нарушении его постулатов можно лишь, анализируя конкретную ситуацию, включающую вербальные и невербальные компоненты.

ПК может нарушаться коммуникантами в процессе речевого общения. Из разнообразных причин нарушения релевантными оказались следующие: непреднамеренное нарушение вследствие особенностей характера говорящего, психологических причин и т.п.; намеренное нарушение, связанное с несопадением целей коммуникантов при вступлении в общение (демонстративное и недемонстративное).

Рассмотрим особенности функционирования ПК и его постулатов на примере конкретной конфликтной ситуации, участниками которой являются Томас Веллм (А) и Ингрид Вайдт (В) – его любимая девушка.

Томас приехал к любимой девушке, чтобы выяснить, почему она не отвечает на его письмо. Он очень взволнован этим обстоятельством. Ингрид не дает прямого ответа на его вопросы, прикрываясь своей занятостью. На самом деле, у нее в данный момент развивается новый роман, в чем она боится признаться.

Именно поэтому Ингрид уклоняется от честных ответов на вопросы Томаса. В конце концов, он сам приходит к выводу, что их отношения прекратились.

„Hallo, Thomas!“ ... (B.1)

Heute aber blieb er an der Tür und fragte: „Warum schreibst du nicht?“ (A.1)

Ingrid legte einen Bleistift zwischen die Seiten des Buches und sah ihn an.

„Heute wollte **ich** dir schreiben. **Wir haben schrecklich viel zu tun.**“ (B.2)

Er zog den Reißverschluss der Lederjacke auf. „Nun bin ich hier. Was sagst du zu meinem Vorschlag?“ (A.2) Er suchte ihre Augen, aber Regendämmerung verdunkelte ihr Gesicht.

„**Ich muss arbeiten, Thomas.**“ (B.3)

„Wie lange waren wir beide nicht mehr zusammen?“ Die ersten Regentropfen einen stockenden Wirbel auf dem Fensterblech. „**Sag was!**“ (A.3)

Ingrid schloss das Fenster.

„Ich möchte dich bitten... Thomas, ich brauche Ruhe und Zeit. Ich weiß nicht... Ich kann jetzt nicht... **Der Sommer kommt und...**“ (B.4)

Er trat zögernd einen Schritt vor.

„**Es soll also Schluss sein.**“ (A.4)...

Ingrids Schweigen war die Antwort.

„**Für uns gibt es also keinen Sommer mehr. Du willst keinen Sommer mit mir.**“ (A.5)

„Ich muss jetzt zum Seminar“, sagte sie. „**Wenn du willst, bleib hier, bis der Regen aufhört.**“ (B.5)

Eine Tür in einem alten Haus darf man nicht zuschlagen... (Görlich, 1972: 10-11).

Коммуникативную структуру данной ситуации мы можем представить следующим образом:

Приветствие (B.1) + вопрос, требующий прямого ответа (A.1) + ответ, скрывающий истинную причину (B.2) + вопрос и настаивание на ответе (A.2) + уход от ответа на вопрос (B.3) + настаивание на продолжении разговора (A.3) + просьба не продолжать этот разговор (B.4) + предположение о причине ухода от разговора (A.4) + при отсутствии ответной реакции констатация факта (A.5) + подтверждение отказа на продолжение этого разговора (B.5).

Данный пример показывает, что нарушение принципов речевого общения одним из коммуникантов может, в конечном счете, привести к конфликту. (B), пытаясь скрыть истинную причину своего поведения, нарушает постулаты количества и отношения, что влечет за собой нарушение остальных постулатов ПК. В первую очередь, мы наблюдаем в данной ситуации нарушение постулата количества, т.е. Твоё высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога). Несоблюдение этого правила проявляется уже в самом начале диалога. При ответе на частный вопрос (A.1) уместное в данной ситуации местоимение **ich** сменяется местоимением множественного числа **Wir** (B.2). Далее в течение всего последующего диалога коммуникант В. настойчиво употребляет **ich**, пытаясь исправить оговорку и скрыть наличие другого лица, имеющего отношение к данной ситуации. Следующая попытка коммуниканта А. продолжить разговор на интересу-

ющую его тему, несмотря на его настаивание *Nunbinichhier*. (A.2) наталкивается на стремление коммуниканта В. уйти от ответа на поставленный вопрос (B.3). Реплика (B.3) по содержанию идентична реплике (B.2) (я не хочу разговаривать на эту тему, по причине того, что я якобы занята). Здесь наряду с нарушением постулата *количества* не соблюдается параллельно и постулат *отношения*, поскольку мы видим явное отклонение от темы. Дальнейшее настаивание на продолжении разговора „*Sag was!*“ (A.3) приводят к просьбе не продолжать разговор (B.4). При этом несоблюдение одной из сторон принципа *количества* становится все более очевидным. Это нашло свое выражение в виде целой последовательности незаконченных предложений (B.4). В конечном счете, такое поведение коммуниканта В. приводит к прекращению диалога „*Es soll also Schluss sein.*“ (A.4) и отношений между коммуникантами А. и В. в целом (A.5). Использование модального глагола *sollen* подчеркивает окончательность выводов, сделанных коммуникантом А. и фактическое завершение разговора. Прекращение отношений подчеркивается использованием местоимения *uns*, которое уже в следующем предложении в рамках данной реплики (A.5) разделяется на *du, mir*. Даже уступка сделанная в заключении коммуникантом (B). *Wenn du willst* (B.5) в конечном счете, уже не может изменить исхода диалога. При постоянной недоговоренности со стороны коммуниканта В. можно говорить также о нарушении постулата *способа* (Выражайся ясно.) и по причине постоянного сокрытия истинной причины ухода от разговора постулата *качества* (Не говори того, что ты считаешь ложным). Этот пример еще раз доказывает, что нарушение одного из постулатов принципов речевого общения приводит к невыполнению и других коммуникативных правил.

Анализируя данный пример, мы в очередной раз убеждаемся, что нарушение принципов речевого общения является одной из существенных характеристик конфликтного дискурса. Изначально заложенные в конфликте противоречивые позиции, намерения, цели участников конфликта в сфере речевой деятельности служат основанием для так называемого *коммуникативного кодекса*, как в целом, так и его отдельных принципов и постулатов. Противоречие между коммуникативными целями говорящего и ожиданиями слушающего являются «почвой» для нарушения ПК, регламентирующего отношения между ними.

Отдельные постулаты ПК при своей относительной самостоятельности в конкретной ситуации проявляют склонность к взаимодействию, и нарушение одного постулата приводит к нарушению других максим ПК. Так, нарушение первого правила постулата *количества* вступает в конфликт с выполнением постулата *качества*. Не сообщая полной информации, говорящий не дает повода обвинить себя во лжи, но может вызвать справедливый упрек в умолчании важных сведений, отсутствие которых искажает картину действительности. Логическая истина отличается от прагматической. «Если первая устанавливается по принципу совместимости с действительным положением дел, то для второй важнее содержать то количество информации, которое отвечает конкретным задачам коммуникации» [1, с. 31].

Наряду с этим, нарушение постулата количества вызывает невыполнение постулата *отношения*. Попытка одной из сторон скрыть истинной положение

дел, истинную причину своего поведения, связана с ее желанием уйти от неловкой ситуации. Чаще всего нарушение вышеназванного постулата вызывает реакцию слушающего, который возвращает собеседника к первоначальной теме.

Наконец, несоблюдение вышеуказанных постулатов сопровождается нарушением постулата *способа*. Одним из наиболее нарушаемых правил постулата способа является правило «Избегай неоднозначности». Намеренная неоднозначность, характерная для конфликтного дискурса, часто связана со стремлением соблюдать вежливость. Нарушение требования однозначности высказывания носит характер намеков или, как в нашем случае, усеченных предложений. Как мы видим, нарушение ПК в ситуации конфликта обычно носит намеренный характер, по крайней мере, со стороны одного из участников.

Большую роль в регулировании процесса языкового общения играет Принцип Вежливости. В трактовке Дж. Лича [13] вежливость характеризует отношения между лицами, которые противостоят друг другу как *сам* и *другой*. Сам – это *Я*, т.е. говорящий, а другой – адресат либо третье лицо (как присутствующее, так и отсутствующее).

Дж. Лич основывает свою теорию вежливости на том, что некоторые иллокуции изначально вежливы или невежливы. Например, речевой акт приказа невежлив по своей природе, его можно только смягчить; поздравление изначально вежливо и превратить его в невежливый речевой акт может намеренное использование не по назначению. ПВ связан именно с такой «узко» понимаемой вежливостью, по этой причине он имеет две формулировки: одну для невежливых иллокуций, которая требует по возможности смягчить невежливые речевые акты или воздержаться от их использования, другую – для вежливых речевых актов, которая требует их обязательно употреблять и всячески усиливать.

Дж. Лич называет 6 максим, которые тоже формулируются в виде предписаний. Так И.П. Сусов строит свою концепцию трактовки ПВ, попарно называя основные субмаксимы, каждое второе наставление по существу повторяет сказанное в первом предписании, но задаёт обратное направление [см.: 10, с. 47–48].

Такт	Сведи к минимуму издержки для другого.	Сделай максимальной пользой для другого.
Великодушие	Сведи к минимуму пользу для себя.	Максимально увеличь потери для самого себя.
Одобрение	Сведи к минимуму порицание другого.	Сделай максимальной похвалой другого.
Скромность	Сведи к минимуму восхваление себя самого.	Доведи до максимума порицание в адрес самого себя.
Согласие	Сделай минимальным несогласие между собой и другим.	Добейся максимально-согласия между собой и другим.

Симпатия	Сведи к минимуму антипатию между собой и другим.	Добейся максимальной симпатии между собой и другим.
-----------------	--	---

Отметим, что для конфликтного дискурса характерно не то чтобы смягчение невежливых речевых актов, а часто усиление их невежливых иллюзий, а изначально вежливые речевые акты используются неуместно или откровенно не по назначению.

Нарушение ПВ (намеренное / ненамеренное) может также рассматриваться с позиции правил учета статусных ролей коммуникантов. С точки зрения прагматической категории *вежливости* эти правила связаны с иерархическими и неиерархическими отношениями между коммуникантами. Так, например, можно выделить следующие виды иерархических отношений: 1) иерархия возраста; 2) иерархия пола; 3) иерархия служебного положения; 4) иерархия сферы услуг. К неиерархическим или симметричным отношениям относятся: 1) отношения родства; 2) отношения приятельства [см.:3, с. 286–276].

Общий принцип вежливости означает, что коммуникант, стоящий по субординации ниже, должен быть всегда более вежлив по отношению к вышестоящему, в то время как вышестоящий может обходиться нейтральными формами. С ПВ тесно связан *Принцип Иронии*, который позволяет говорящему нарушать социально-детерминированные отношения, делая вид, что он их соблюдает.

«Человеческий фактор» является главнейшим в ситуации общения, поэтому на первый план выходит аспект отношения между коммуникантами [11, с. 41-46]. Нарушение принципов речевого общения относится к наиболее распространенным типам так называемых *коммуникативных неудач* (КН)[8].

Причины КН, связанные с человеческим фактором, могут быть следующего характера:

- а) неправильное, по мнению слушающего, определение говорящим некоторых его коммуникативно важных свойств;
- б) неверное установление места слушающего в иерархии «выше-ниже-равный». Данный тип КН сурово осуждается, а умение их избегать является важнейшей частью коммуникативной компетенции;
- в) предложение такой тональности общения, которая не устраивает слушающего. В данном случае интерес представляет тональность общения по шкале «дружеский разговор – официальный разговор».

КН имеют место лишь в тех случаях, когда слушающий выражает протест против перечисленных ошибок в общении. «Если при очевидной неточности протест не следует, то нет оснований говорить о КН, то есть слушающий готов общаться на таких условиях» [11, с. 99].

КН могут происходить также вследствие нарушений ПВ при смене коммуникативных ролей. КН такого рода обусловлены игнорированием отмеченной последовательности ответных ходов. Сюда относится также несоблюдение социального и речевого этикета, конвенций и норм, регламентирующих пове-

дение коммуникантов. В данном случае ответственность за КН может нести как говорящий, так и слушающий.

Говорящий «виноват» в том случае, если он выбирает в качестве адресата лицо, не соответствующее по социально-ролевому статусу отведенной ему коммуникативной роли или просто незаинтересованное в коммуникативной цели говорящего. Сигналом в таком случае становится вербализованная констатация слушающим несоответствия ожиданиям говорящего

Говорящий в свою очередь может сам оказаться «не тем лицом». Определенные классы речевых действий для достижения цели требуют, чтобы говорящий занимал определенное положение, обладал определенным статусом в рамках конкретного социального института. Данное правило верно не только в случаях выполнения речевого действия в рамках институциональной сферы. В семейно-бытовой сфере эти условия сохраняют свою силу. Например, при использовании класса регулятивов (прямое и косвенное регулирование поведения и состояния партнера), которые включают такие речевые действия, как высказывание приказов, просьб, запретов, упреков и т.д. Говорящий должен в случае институциональной сферы стоять выше слушающего на иерархической лестнице, в случае семейно-бытовой сферы – быть старше по возрасту. То же самое правило действует в случае декларативов. Однако следует заметить, что в конфликтной ситуации один из коммуникантов может позволить себе проигнорировать особый статус партнера, особенно на бытовом уровне.

Маркерами являются констатация несоответствия говорящего совершенному речевому действию, выражение возмущения, вопросительные слова, констативы, переспросы, паузы, молчание, пропуски речевого хода.

Что касается соблюдения или нарушения отдельных постулатов ПВ, то мы в очередной раз сталкиваемся с различиями в их функционировании в институциональной и бытовой сферах. Наибольшее значение в деловой коммуникации имеет соблюдение постулатов *такта, великодушия и симпатии*, которые в наименьшей степени связаны с обменом информацией, и соблюдение которых регламентировано статусно-ролевыми отношениями между собеседниками. Постулаты *согласия, одобрения и скромности*, соблюдение которых может привести к серьезному искажению истинности сообщаемой информации, часто нарушаются коммуникантами ради соблюдения постулата *качества*.

Важность соблюдения различных постулатов в институциональной сфере не совпадает, как не совпадают и характерные реакции на их нарушение. Нарушения постулатов *такта и великодушия, одобрения и симпатии* обычно вызывают резко негативную реакцию собеседников, что часто приводит к конфликтам. Напротив, нарушение постулатов *скромности и согласия* довольно часто бывает оправданным и необходимым.

В семейно-бытовой сфере ПВ нарушается гораздо чаще, поскольку его соблюдение регламентировано не иерархическими, а симметричными отношениями. В конфликтной ситуации правила социального и речевого этикета могут игнорироваться как одной из сторон, обычно иницилирующей конфликт, так и всеми участниками. Как подчеркивалось выше, для конфликтного дискурса характерно усиление невежливых иллокуций изначально невежливых речевых

актов (приказов, запретов, упреков и т.д.) и использование вежливых речевых актов заведомо неуместно, не по назначению.

Рассмотрим функционирование ПВ на примере обычного семейно-бытового конфликта между отцом (А: профессор Хольт) и сыном (В: Вернер Хольт).

Отец, не имея возможности поговорить с сыном дома, вызывает его к себе на работу и более настойчиво, чем обычно выражает свою просьбу приступить к занятиям в школе. При этом он выдвигает дополнительные аргументы: решение проблемы быстрого выбора профессии и необходимость основания для получения продовольственной карточки. Сын не готов и не хочет что-либо менять в своей жизни (его волнуют только отношения с Гундель). Сын отвергает предложение отца, не пытаясь его обдумать. Он находит повод вывести отца из равновесия. Вызывающее поведение сына заставляет профессора Хольта высказать свое предложение уже не в форме просьбы, а как требование. Хольт – младший в грубой форме дает понять свое нежелание выполнять просьбы, а тем более требования отца.

Holt verbrachte die Tage mit ziellosen Spaziergängen. Manchmal stand er stundenlang auf der Brücke und sah in den kleinen Fluss, in das verschmutzte, ölfleckige Wasser.

Nach dem Streit mit seinem Vater waren nur wenige Tage verstrichen, als er ins Büro gerufen wurde. Dort fand er seinen Vater und Fräulein Gerlach. An der Tür nahm er die Mütze ab.

*Professor Holt saß hinter seinem Schreibtisch am Fenster. „Seit neuestem frühstückst du allein“, begann er ohne Umschweife. „Ich bekomme dich tagelang nicht zu Gesicht. **Wann willst du dich endlich** in der Schule anmelden? Der Unterricht hat schon begonnen!“ (A.1)*

*Holt war nicht gesonnen, sich irgendetwas vorschreiben zu lassen. „**Woher weißt du denn**“, sagte er, „**dass ich die Absicht habe**, noch mal zur Schule zu gehn?“ (B.1)*

Professor Holt wurde im Werk verlangt, in einer Stunde musste er mit Müller zu einer Besprechung in die Kommandantur, er hatte noch eilige Post zu diktieren und wartete auf ein Fernsehgespräch.

*Er sagte: „Das Abitur ist **die beste Lösung**. **Wir vermeiden** damit auch die schwierige Frage einer augenblicklichen Berufswahl.“ (A.2)*

Holts Gesicht spiegelte stumme Widerspenstigkeit.

Professor Holt fuhr fort, nun in unverkennbarer Ungeduld: „Außerdem bist du wieder bei Kräften und brauchst für die nächste Lebensmittelkarte eine Arbeitsbescheinigung.“ (A.3)

„Fräulein Gerlach unterschreibt jeden Monat so viele Arbeitsbescheinigungen“, sagte Holt, „da kann sie doch auch mal für mich eine unterschreiben.“ (B.2)

*Professor Holt erhob sich. Er sagte: „**Nein!**“ **Und „Nein!**“ sagte er nochmals, da Holt zu einer Erwiderung ansetzte, und er schlug mit der flachen Hand auf die Schreibtischplatte. „Ich dulde keine Scheinarbeitsverhältnisse! Und jetzt geh und melde dich zum Unterricht an!“ (A.4)*

*Holt wandte sich zur Tür, er fasste schon die Klinke. Aber plötzlich drehte er sich um und trat vor den Schreibtisch seines Vaters. Er war blass, die Erregung hinderte ihn sekundenlang am Sprechen. Er sagte leise, aber deutlich: „Ich melde mich nicht an! Versuche nicht, mich zu kommandieren, das ist zwecklos! Wirf mich lieber gleich auf die Straße, rauswerfen kannst du mich, aber...“ Auf einmal zitterte er vor Erregung, und über den Schreibtisch gebeugt, schrie er: „... **kommandieren kannst du nicht nicht!** ... das kann **niemand** mehr... **niemals!**“ (B.3) [Noll, 1969: 21-22].*

Коммуникативную структуру данной ситуации мы можем представить следующим образом:

Настойчивое выражение просьбы (A.1) + возражение (отказ выполнить просьбу) (B.1) + настаивание на выполнении просьбы (A.2) + дополнительная аргументация (A.3) + выдвижение заведомо невыполнимых условий (B.2) + настаивание (просьба сменяется требованием) (A.4) + категоричный отказ (неповиновение) (B.3).

Данная ситуация отражает уже существующий на момент этого разговора достаточно глубокий конфликт между отцом и сыном. Сын не испытывает ни малейшего уважения к отцу, нарушая при этом ПВ по всем параметрам. Уже первой своей ответной репликой на предложение отца он нарушает постулат *согласия* (Сделай минимальным несогласие между собой и другим.) (B.1). Кроме того, Хольт – младший нарушает данной репликой постулат *одобрения* (Сведи к минимуму порицание другого.), своим вопросом вместо ответа он ставит под сомнение предложение отца. Несмотря на достаточно убедительную аргументацию Хольта – старшего в пользу своего предложения, как наилучшего выхода из сложившейся у сына жизненной ситуации (*die beste Lösung*) (A.2,3), сын выдвигает заведомо невыполнимые условия, нарушая при этом; постулат *такта* (Сведи к минимуму издержки для другого.) (B.2). Профессор, выведенный из себя вызывающим поведением сына, в свою очередь, невольно нарушает постулат *согласия*, что выражается в неоднократном употреблении отрицаний (A.4). Сын в ответ выказывает свое неповиновение в форме категоричного отказа на фоне крайне возбужденного эмоционального состояния, которое выражается в виде нарушения структуры предложения (многократное прерывание) и произносительной нормы как отражение эмоционального состояния (B.3). Как мы видим, первопричиной неоднократного нарушения ПВ в данной ситуации является несоблюдение социального и речевого этикета, конвенций и норм, регламентирующих поведение коммуникантов.

Из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что нарушение принципов речевого общения является одной из существенных характеристик конфликтного дискурса. Следует отметить, что конфликт редко ограничивается речевой сферой. Он непременно затрагивает межличностные отношения. Несоблюдение коммуникативного кодекса вносит разлад и непонимание в человеческие взаимоотношения, вызывает эмоциональное напряжение, вносит в ситуацию общения негатив, что является признаками конфликта в социально-психологической сфере.

1. Арутюнова Н.Д. Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985. – С. 3–42.
2. Белоус Н.А. Инвариантные характеристики основы речевого произведения в конфликтном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – М., 2008. – № 4. – С. 148–156.
3. Богданов В.В. Лингвистическая прагматика и ее прикладные аспекты // Прикладное языкознание. – СПб., 1996. – С. 268–276.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф.Е. Василюк. – М., 1984.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М., 1985. с. 217 – 238.
6. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. с. 30 – 64.
7. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1987.
8. Кънева Н.К. Интегративный подход к проблеме коммуникативных неудач. Канд. ... дисс. филол. наук. – Тверь, 1999.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования / Е.В. Падучева. – М., 1996.
10. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. - Харьков, 2009.
11. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар, 1998.
12. Шикун А. Ф., Филинова И. М. Управленческая психология: Учебное пособие / А.Ф. Шикун, И. М. Филинова. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 332 с.
13. Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London, 1983.

Источники примеров

1. Görlich G. Unbequeme Liebe. – Berlin, 1972. - 226 S.
2. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr. – Berlin und Weimar, 1969. – 478 S.